

Тридцать первое декабря, последний день года.

Кокворт был окутан свинцово-серыми зимними тучами, воздух казался холодным, будто застывший кусок прозрачного льда, и каждый выдох превращался в крошечные облачка белого пара у носа.

На улицах лежал нарастающий сожженный снег прошлых дней, утопанный шагами прохожих, который под уличными фонарями отсвечивал тусклым серебристым блеском.

Ты прижалась к подоконнику в доме Эвансов и наблюдала, как на крыше напротив несколько ворон втянули головы и сбились в ряд, а выдыхаемый горячий воздух превращался в тонкую дымку на стекле.

Ты вытянула лапку и нарисовала на туманной поверхности кривой круг, а затем провела через него линию — рисунок воздушного шара от руки.

Затем ты услышала голос Лили у лестницы, звучавший с неудержимым волнением:

— Сия! Ты наверху? Скорее спускайся! Мы уходим!

Ты спрыгнула с подоконника, встряхнула шерстку и побежала вниз.

В гостиной семья Эвансов уже была полностью готова к выходу. Мистер Эванс был одет в плотное коричневое пальто, шею обнимал клетчатый шарф, и он как раз наклонился, проверяя, заправлена ли пленка в фотоаппарат.

Миссис Эванс помогала Лили поправить шарф — Лили была одета в красную плотную куртку, отчего ее рыжие волосы казались еще ярче, и она выглядела как пляшущий огонек, притопывая на месте от нетерпения.

Петунья стояла чуть подальше, в темно-синем шерстяном пальто, золотистые пряди волос выглядывали из-под краев шляпки, на лице застыло то выражение показного равнодушия, с которым пытаешься изобразить: «Подумаешь, Новый год, чего тут радоваться», — но ее глаза выдавали ее.

Она тоже втайне ждала этого.

Миссис Эванс подняла голову, заметив, как ты сбегаешь по лестнице, с улыбкой наклонилась и повязала тебе на шею маленький красный шарфик.

Она связала его наскоро из остатков ниток старого свитера, как раз в один оборот вокруг твоей шейки, а концы свисали вниз, подчеркивая твою белоснежную шерстку и выглядя просто

прелестно.

— Ну вот, — похлопала она тебя по спине, — теперь и наша Маленькая лисица в тепле. Пойдем, выступаем!

Лили подхватила тебя на руки и вынесла на улицу, зажав подмышкой. Твои четыре лапы снова повисли в воздухе, а хвост беспомощно раскачивался — но ты уже привыкла.

Они отправлялись в Лондон. На Трафальгарскую площадь, ждать боя новогодних курантов.

Поезд был забит людьми. В вагоне стоял густой теплой воздух, смешанный с запахами влажной шерсти, горячего чая и цитрусов.

На оконных стеклах лежал толстый слой испарины, и Лили то и дело прижимала ладонь, оставляя отпечатки, а после разглядывала сквозь эти чистые кругляши проносящиеся мимо поля и деревеньки. Петуния сидела на месте у прохода, на коленях у нее была раскинута книга, но поскольку уже стемнело, она вряд ли что-то видела, просто держала книгу для вида.

Супруги Эванс сидели напротив, тихо переговариваясь, и миссис Эванс время от времени доставала из сумочки имбирный пряник, протягивая детям.

Ты устроилась на коленях у Петунии, свесив хвост на колени Лили, превратившись в живой плевковый коврик.

От тепла в вагоне твои веки тяжелели все сильнее, ты прислушивалась к мерному стуку колес, в полусне ощущая, как пальцы Лили нежно перебирают шерстку за твоими ушами.

Другая рука Петунии лежала у тебя на спине, а большой палец машинально выводил круги. Забывшись между этими двумя проявлениями нежности, ты погрузилась в глубокую дремоту, воображая во сне, будто плывешь по сияющей реке.

Трафальгарская площадь оказалась еще более многолюдной, чем ты могла представить.

Потоки людей текли со всех сторон, стекаясь на это пространство, залитое огнями словно днем. Посреди площади возвышалась Колонна Нельсона, а львиные изваяния у ее основания были обрисованы золотистыми контурами праздничных гирлянд.

Водная гладь фонтана покрылась тонким ледком, отражая огни окружающих зданий и размытые силуэты толпы.

Повсюду слышался смех, разговоры, шуршание трепещущих от ветра воздушных шаров и зазывающие крики уличных торговцев, продающих горячие каштаны и жареный арахис. В

воздухе витал запах карамели, специй и бодрящей зимней прохлады.

Твой носик дернулся, улавливая бесчисленные ароматы: сладковатый дух жареных каштанов, коричный шлейф горячего глинтвейна, смесь парфюма и тканей зимней одежды толпы, а также запах тающего шоколада с какого-то отдаленного лотка — все они переплетались, создавая неповторимую карту запахов этой ночи.

Мистер Эванс отыскивал относительно свободное местечко на ступеньке рядом с фонтаном. Он водрузил фотоаппарат, долго настраивал объектив через видоискатель, после чего позвал всех собраться.

— Ну-ка, давайте сделаем семейное фото — то есть семейное фото вместе с Сией. — Он глянул на тебя и добавил: — Сия тоже считается членом семьи.

Лили подняла тебя, устроив на своем плече, чтобы твоя мордочка попала в кадр вместе с ними.

Мистер Эванс прищурился в видоискатель и крикнул: «Сыр!» — раздался щелчок, вспышка озарила пространство, запечатлев тени всех вас в последний вечер уходящего года. Ты моргнула от яркого света, а твой хвост легко качнулся за спиной у Лили.

Время неумолимо приближалось к полуночи. Толпа на площади уплотнялась, а атмосфера накалялась. Кое-кто принимался дудеть в праздничные дудки, другие поднимали вверх таблички с новогодними пожеланиями, а несколько молодых людей забрались повыше, начиная отсчет запевалами.

Лили с восторгом схватила тебя за обе передние лапы, заставляя встать на задние и покачиваться в такт толпе, словно в танце. Петуния стояла рядом, с легкой улыбкой на губах, устремив взгляд на подсвеченный циферблат Биг-Бена вдали.

В этот момент тебе что-то вспомнилось. Ты выскользнула из объятий Лили, опустилась на брусчатку и заплетала сквозь толпу, побежав против течения людского потока к краю площади.

Ты знала, что он обязательно придет.

Ты отыскиала его под фонарным столбом на восточной стороне площади.

Северус Снегг был облачен в явно великоватое черное старое пальто, воротник был поднят, прикрывая половину лица, а руки засунуты в карманы; он стоял в одиночестве в тени фонаря.

Казалось, будто его вытеснила сюда гудящая людская волна, или же он сам сознательно выбрал этот угол — местечко, откуда прекрасно все видно, но где тебя никто не побеспокоит.

Он заметил тебя первым. Твоя белоснежная шкурка ярко выделялась в свете фонарей, напоминая крошечный плывущий клочок лунного света в толпе. Он опустил голову, встретившись с тобой взглядом.

Ты подбежала к нему, уселась у его ног и задрала мордочку, а выдыхаемый пар клубился в свете фонаря крошечными облачками. Маленький красный шарфик на шее чуть покачивался на холодном зимнем ветру.

Он молча разглядывал тебя несколько секунд.

— ...Чего это ты прибежала? — произнес он. Вопрос не звучал вопросительно, тон был ровным, словно он констатировал факт, ответ на который ему был заранее известен.

Ты вильнула хвостом, ничего не ответив. Ты просто сидела перед ним, глядя снизу вверх.

Он помолчал еще немного. Затем он шевельнулся — шагнул из тени фонарного столба, прошел вперед несколько шагов, остановился и оглянулся на тебя. Ты немедленно вскочила и последовала за ним.

Вы двигались друг за другом сквозь плотную толпу, направляясь к ярко освещенной площадке возле фонтана. Он шел небыстро, но и не останавливался.

Дистанция между вами неизменно держалась в пределах трех-четырех шагов — не близко и не далеко, словно невидимая нить вела вас обоих. Твои лапы ступали по ледяным каменным плитам, а хвост покачивался позади, словно прокладывая ему дорогу.

Лили заметила его первой. Ее глаза широко распахнулись от удивления:

— Сэв? Ты тоже здесь?

— ...Проходил мимо, — ответил он.

Лили явно не поверила этому ответу, но допытываться не стала, просто с улыбкой подвинулась в сторону, освобождая ему место.

Северус на мгновение замер, а затем встал там. Слева от него оказалась Лили, а справа — ты. Ты прилегла у его ног, и твой хвост привычно лег поверх его ботинок.

Он почувствовал твоё тепло, проникавшее сквозь тонкую шерстку прямо в подъем стопы. Отстраняться он не стал.

Петуния бросила на него взгляд, здороваться не стала, но и возражать не стала тоже. На Трафальгарской площади в новогоднюю ночь даже Петуния Эванс сочла излишним придирается к старым обидам.

Стрелки Биг-Бена неумолимо приближались к двенадцати.

Толпа начала дружный отсчет. Звук, начавшись с шепота десятков голосов, перерос в сотни возгласов, а затем слился в многотысячный рев волной, раскатывающейся над площадью.

— Десять — девять — восемь...

Лили сжала руку миссис Эванс. Петуния украдкой ухватила мистера Эванса за рукав. Супруги Эванс переглянулись и улыбнулись.

— Семь — шесть — пяти...

Ты подняла голову и посмотрела на Северуса. Он не участвовал в отсчете и не смотрел на Биг-Бен. Он потупился, глядя на землю у своих ног, руки по-прежнему прятались в карманах, а плечи были чуть приподняты.

Никто не ведал, зачем он здесь очутился, никто не знал, как он преодолел добрую половину Лондона, пробираясь сквозь залитые огнями улицы и теснящуюся толпу, чтобы в одиночку затесаться в это чужое ему веселье.

Ты слегка задела его щиколотку кончиком хвоста.

Он шевельнулся и опустил глаза, глядя на тебя. Ты не смотрела на него в ответ, устремив взор к Биг-Бену, в то время как голоса отсчета гремели в ушах все громче.

— Четыре — три — два...

— Один!!

Первый удар колокола Биг-Бена громовым раскатом пронесся над городом.

Звук этот вовсе не походил на звонкий и чистый колокольчик, каким ты его представляла — это был глухой, величественный рокот, словно вздох гигантского зверя, пробудившегося из глубин времен.

Вибрация бронзового гиганта пробила сквозь плотную пелену зимней ночи, сквозь одновременный ликующий крик тысяч людей на площади, сквозь холодную брусчатку под

твоими лапами, проникая в самые кости. Ты чувствовала, как звуковая волна отзывается в грудной клетке, заставляя сердце биться в унисон.

Вслед за первым грянул второй удар, затем третий и четвертый — раскаты бронзового колокола волнами расходились по ночному небу Лондона, словно невидимая рука вращала колесо времени, вдребезги разбивая старый год о порог нового.

Над площадью взлетали серпантин и воздушные шары, кто-то трубил в праздничные дудки, другие запели, незнакомцы обнимались и поздравляли друг друга, и вся площадь превратилась в бурлящий океан.

Лили крутанулась на месте и крепко обняла Петунию. Та на секунду застыла, а затем медленно, с заметной неловкостью подняла руку и похлопала Лили по спине.

Мистер и миссис Эванс обменялись тихим поцелуем среди всеобщего галдежа.

Ну а ты — ты поднялась, встав на задние лапы, и положила передние лапы на голень Северуса.

Он опустил голову, глядя на тебя. Ты смотрела на него снизу вверх, и в твоих золотистых глазах отражались мириады огней площади и распускающийся где-то в вышине беззвучный цветок фейерверка.

Твой хвост быстро-быстро махал позади, точно маленькое радостное знамя.

Он долго смотрел на тебя. А после совершил то, чего прежде не делал никогда — наклонился, протянул руку и мягко, немного неловко коснулся твоей макушки.

Его пальцы скользнули сквозь мягкую белую шерстку, на миг замерли за ухом, а после отстранились. Движение вышло коротким и легким, словно снежинка упала на голову и тут же растаяла.

Его губы шевельнулись. Вокруг стоял такой грохот, что расслышать слова было невозможно. Но ты прочла по его губам.

С Новым годом, Сия.

Ты опустила голову и ткнулась влажным носом в тыльную сторону его ладони. А после снова улеглась у его ног, положив подбородок на передние лапы, и твой хвост надежно устроился поверх его ботинок.

Бой часов продолжался, удар за ударом, неумолимый, как поступь времени. Новый год, ступая по следам колокольного звона и зимней ночи, явился пред вами.

Ты лежала у его ног крошечным, теплым утесом, стойко оберегая его среди этого шумного человеческого моря.

<http://bllate.org/book/21197/2145822>